

Ксенофобия и политика в современной России

Владимир Илюшенко

эксперт МБПЧ

Всем известна этимология слова "ксенофобия": xenos - чужой, phobos - страх. Таким образом, ксенофобия - страх перед чужим, который порождает ненависть к чужому. Человек унаследовал ксенофобию от животного мира. Ксенофобия - один из законов зоопсихологии: чужой несет опасность, поэтому лучше избегать чужого или мимикрировать, или быть готовым сразиться с ним. У животных ксенофобия оправдана, поскольку опасность реальна.

Первобытные люди еще не вполне отделились от животного мира. Они тоже должны были жить настороже, потому что чужое, неизвестное в любой момент могло обернуться бедой. И в первую очередь понятие "чужой" переносилось на другие племена, поскольку угроза, подлинная или мнимая, исходила именно от них. Эти племена, говорящие на другом языке, соблюдающие другие обычаи, демонизировались, их представители расценивались не просто как враги, но и как нелюди. Зачастую чужого попросту съедали. Каннибализм в первобытном обществе был широко распространен. Некоторые племена каннибалов (например, на Новой Гвинее) сохранились до наших дней. Людоедство имело под собой религиозно-магическую основу - веру в то, что сила и свойства жертвы при соблюдении определенных ритуалов переходят к тому, кто ее поедает.

Прошли тысячелетия, но древний ксенофобический инстинкт не исчез. В коммунистической Камбодже за несколько лет было истреблено несколько миллионов человек, объявленных врагами (около трети населения страны), причем нередкими были случаи, когда палачи съедали печень только что убитых ими людей, чтобы приобрести их силу. В первобытном обществе, в тех племенах, где практиковался каннибализм, чем больше врагов убьет молодой человек, чем больше черепов он принесет домой, тем более завидным женихом он считался. А если он никого не убил и не принес ни одной головы, девушка не выйдет за него замуж: он не заслуживал уважения и не считался настоящим мужчиной. Наши скинхеды - тоже своего рода охотники за головами. Они пока еще не перешли к каннибализму, но мораль у них примерно на том же уровне. Убийство "чужого" ("черного", "инородца") считается у них доблестью, исполнением патриотического долга, заслуживающим награды. Недавно описан случай, когда бритоголовый подросток, убив "инородца", тут же побежал покупать белые шнурки к своим армейским ботинкам - знак отличия, знак истинной принадлежности к расистской скинхедской группировке. Теперь собратья будут его уважать. А убьет еще больше - станет лидером.

Современный национализм - это именно выражение ксенофобии, один из видов ее. Чувство принадлежности к нации, этносу, чувство национальной гордости нормально и неискоренимо. Другое дело - гипертрофированное, деформированное национальное чувство, составляющее ядро национализма. Национальное отделяет от националистического тонкая, подвижная, не всегда уловимая грань, между ними масса взаимопереходов. Однако это качественно разные явления. От национального отрезаться нельзя, националистическое опасно (в том числе и для его носителей). Национальное открыто и дружелюбно, националистическое - закрыто и агрессивно.

В истоке национализма - весьма архаичная социально-психологическая структура: резкое различие между "своими" и "чужими", между "мы" и "они". Как подчеркивал историк Б.Поршнев, "в первобытном обществе "мы" - это всегда люди в прямом смысле слова, т.е. люди вообще, тогда как "они" - не совсем люди. "Мы" осознается только через контраст: "мы" - это те, которые не "они"; те, которые не "они", это - истинные люди". Дальнейшая трансформация этой формулы: "они" - совсем не люди - есть краеугольный камень расистской доктрины (ср. словечко Untermensch - недочеловек, широко применявшееся в нацистской Германии).

Мы привыкли к тому, что ксенофобия всегда возникает на расовой или национальной почве. На самом деле она может возникнуть и на почве религиозной. Дискриминация, а тем более прямое преследование людей или целых групп по причине их принадлежности к "чужой" религии или конфессии - это, конечно, ксенофобия. Всем известно враждебное отношение многих православных не только к иудеям, но и к католикам и протестантам. Достаточно часто в последнее время из России высылают католических священников, не позволяют католикам открывать новые храмы, монастыри. Члены Союза православных граждан провели недавно в Москве шумное и весьма агрессивное "стояние", чтобы помешать кришнаитам построить новый молельный дом взамен закрытого старого. Число таких случаев постоянно растет.

Ксенофобия может возникать и на классовой, идеологической основе, как это было в той же Камбодже или, еще ранее, после Октябрьского переворота в России. Буржуй, помещик, кулак, священник, офицер, "белоподкладочник", "враг народа" - всё это были "не наши", все подлежали ликвидации или жесткой дискриминации. И очень легко было попасть в категорию "не наш" даже тем, кто раньше был "нашим", - троцкистам, эсерам, меньшевикам, уклонистам. Все они были товарищами по революционной борьбе, и все в одночасье стали "не нашими". Достаточно было заподозрить, донести, голословно обвинить в измене, и человек становился изгоем, "чужим". Появилась обширная категория ЧСИР - "членов семьи изменников родины". Эти люди, их родные, нередко их знакомые - а это были миллионы людей - немедленно становились "не нашими" и репрессировались. Главное, чтобы был враг.

Враг - это чужой, чужой - всегда враг. Прошли годы, но эта матрица - "свой-чужой" - никуда не исчезла. Она может только трансформироваться, видоизменяться, но ее суть остается неизменной. Мы по-прежнему больное общество.

Главным видом ксенофобии в современной России безусловно является ксенофобия на расовой и национальной почве - национализм, шовинизм, нацизм, фашизм. Все нации и все этносы, конечно, отличаются друг от друга - у них разный исторический опыт, разные традиции, формы поведения и ценности. Но из этого не обязательно вытекает негативная реакция на всё, что исходит от другой нации. Межнациональные контакты нередко приводят к тому, что чужие обычаи, культура, отдельные свойства оцениваются положительно и даже выше собственных. Национализм начинается там и тогда, где и когда сознание своей личности (и, соответственно, отличия, непохожести) превращается во враждебную психологическую установку.

Враждебная установка порождает и усиливает чувство страха, ненависть, нетерпимость, ведет к приписыванию иной этнической группе или ее представителям агрессивности, недоброжелательства, тайных умыслов и целого спектра отрицательных, античеловеческих черт. Компенсаторно (оборотная сторона комплекса неполноценности) это приводит к "зеркальному" наделянию собственной этнической или национальной общности всеми возможными достоинствами и добродетелями, что, в свою очередь, служит психологическим оправданием

высокомерного, презрительного, негативного отношения к "чужакам", к иным народам и этническим образованиям.

Вот что говорил в свое время отец Александр Мень: "Естественно любить свой народ, свою культуру, родную страну. Это как любить свою мать. И такой патриотизм - святое дело. Но когда любя свою мать, человек ненавидит или презирает чужую, это уже ущербность, это шовинизм, ксенофобия".

Сегодня вся наша страна, ее стены, ее заборы пестрят надписями: "Россия для русских!", "Азеры, вон из России!", "Бей жидов!", "Мочи хачей!" И повсюду - свастики. Это наши будни. Это лики нашего патриотизма, намертво сцепленного с национализмом. Они у нас не разделены, никак не разграничены. Их путают, смешивают, подменяют одно другим. У нас нет - ни в политической практике, ни в общественном сознании - отдельно патриотизма и отдельно национализма. Националисты величают себя патриотами - им так удобно, - а люди с этим соглашаются, и СМИ с этим соглашаются, пишут о них: патриоты - без всяких кавычек.

На самом деле патриотизм - это прикрытие для националистов, и для нацистов в том числе. Это их излюбленная маска. Их патриотизм - с пеной на губах. Это не проявление любви к родине, а школа ненависти. Ненависти к врагам, внутренним и внешним, которые спят и видят как бы Россию уничтожить, расчленив или, по крайней мере, превратить в колонию. Враги - это Запад, Америка, их "пятая колонна" в России: демократы, либералы, "инородцы", инаковерующие, инакомыслящие, мигранты, "общечеловеки". Враги - это кавказцы, евреи, азиаты. Враги - это "они", те, которые не мы, не русские. Хотя и русские могут оказаться врагами, если они с "нами" не согласны. "Единственное, что может сплотить нацию, - это враги" - так Умберто Эко характеризовал психологию националистов.

Существует критерий, позволяющий отличать патриотизм от национализма. Патриотизм - это прежде всего любовь к своему отечеству, к своему народу. Национализм - это прежде всего ненависть к чужому отечеству и к другому народу (или народам). Язык патриотизма - это язык любви. Язык национализма - это язык вражды.

Современная ксенофобия всегда политически и идеологически окрашена. У нас она стала инструментом государственной политики. Националистические фобии характерны для нашего истеблишмента и так называемой элиты. Ими охвачены в значительной мере и милиция, и суды, и прокуратура, и исполнительная и законодательная власть. Оттуда настроения национальной подозрительности и национальной ненависти транслируются в массы и, в свою очередь, подпитываются низовой ксенофобией. Это, можно сказать, сообщающиеся сосуды. В последнее время чрезвычайно обострились архаические племенные инстинкты. Недавний опрос ВЦИОМ в Москве показал, что 70% респондентов - за то, чтобы кавказцам запретили приезжать в Россию.

А чего стоит недавний митинг скинхедов у московского Парка культуры, официально санкционированный городскими властями? Милиция не реагировала на подстрекательские речи сопредседателя Национально-державной партии Севастьянова и других ораторов, на погромные вопли скинхедов, на вывешенные лозунги ("Не регистрация, а депортация", "Не переговоры, а зачистки"), зато немедленно схватила и препроводила в отделение небольшую группу молодых антифашистов, протестовавших против нацистской акции. Им предъявлено обвинение в административном правонарушении. Комментируя действия своих подчиненных, начальник ГУВД Москвы генерал Пронин заявил: "Митинг был разрешен. Содержание лозунгов и транспарантов - не дело милиции- Сотрудники милиции сделали то, что должны были сделать, а политическая

составляющая нас не интересует". Севастьянов оценил действия милиционеров как "блестящие": "Они сразу усмирили провокаторов". Он объявил дежуривших у Парка культуры сотрудников столичного ГУВД участниками своего митинга и, кажется, был не так уж неправ.

Таким образом, погромщиков руководство милиции легитимизировало, а их оппонентов, выступивших против разжигания национальной розни, обвинило в попытке срыва санкционированного мероприятия. А чего удивляться, когда погромные призывы звучат в речах наших видных политических деятелей? Нужны примеры? Пожалуйста.

"Наш главный враг - политическая элита Соединенных Штатов. Она мечтает об уничтожении русского народа" (Владимир Жириновский).

"А посмотрите, кто занимает ключевые посты в государстве, в республиках, где большинство населения составляют русские. Евреи, кавказцы, татары, башкиры ит.д.! Да ни в одной стране, кроме России, нет такого засилья представителей нацменьшинств в госаппарате, в органах хозяйственного управления, в бизнесе, в научных и культурных учреждениях!" (он же).

"Выслать из Москвы всех лиц кавказской национальности!.. Выслать и депортировать иностранных рабочих!" (он же).

"Право национального большинства в целом выше, чем право входящего в него национального меньшинства" (Дмитрий Рогозин).

"Денационализированные "общечеловеки" социально опасны для общества" (он же).

"Сионизация государственной власти стала одной из причин сегодняшнего катастрофического положения страны" (Геннадий Зюганов).

"Ни для кого не секрет, что империалистические круги жаждут иметь дело с разорванной на части, обескровленной Россией. Ради этого они готовы на любые авантюры, вплоть до введения иностранных войск на российскую территорию под предлогом "миротворчества" или охраны ядерных и других опасных производств. Пока на это лишь намекают за рубежом и в кругах "пятой колонны", но завтра эти намеки могут стать реальностью. Вот почему идеи российского патриотизма, спасения родины от развала и разорения приобретают сегодня не только внутреннюю, но и внешнеполитическую направленность" (он же).

Этот ряд можно продолжать до бесконечности. И ведь это говорят лидеры политических партий и блоков, прошедших в Думу. Их цель - взвинтить ситуацию, указать на врагов, на тех, кого надо бить. Они не хотят понять, что ответом на русский национализм будет не менее яростный национализм этнических меньшинств, окрашенный в основном в исламские тона. При такой политике пройдет пара поколений, и в храме Христа Спасителя зазвучит:

- Аллах акбар!

- Воистину акбар!

"Поднято ярости масс на 5,8%", - писали Ильф и Петров, и это была пародия. Но мы имеем дело не с пародией. Все помнят, что случилось недавно в Санкт-Петербурге: молодые подонки с криками "Россия для русских!" забили ножами и цепями девятилетнюю таджикскую девочку. Они ведь тоже считают себя патриотами, которые должны очистить Россию от "хачей". Они слышат призывы наших политиков к этническим чисткам. Они читают нацистские листовки. И они уверены в своей безнаказанности. В худшем случае кого-то из них привлекут к ответственности за

хулиганство. Недаром Санкт-Петербургская милиция, расследующая это преступление, просила "не делать акцента на национальном вопросе". Почему бы ей не обратить свое пожелание к погромщикам-нацистам до того, как они станут убийцами? Но милиция не хотела портить настроение гражданам перед президентскими выборами. Это такая психотерапия. К тому же наши милиционеры - тоже "патриоты", как и наши скинхеды. Свои своих хорошо понимают.

Патриотизм - нормальное человеческое чувство, и оно не нуждается в оправдании. Но это чувство интимное, целомудренное, о нем не орут на площадях. Когда патриотизм идеологизируется, происходит метаморфоза: он становится оружием в руках профессиональных "патриотов", агрессивных националистов. К их числу принадлежит часть почвенной, традиционалистской интеллигенции. Профессиональные "патриоты" хуже профессиональных проституток: те, по крайней мере, честнее. Национал-патриоты из интеллигентов выдают себя за выразителей интересов народа, коими вовсе не являются.

Но патриотизм - это и любимая маска российской бюрократии, ее идеологическое прикрытие. "Патриотизм" наших чиновников - это любовь к государству, с которым они отождествляют самих себя. Их родина - не страна Россия, а государство с таким названием. На самом деле они отстаивают не государственные, а личные интересы, которые выдают за государственные и общенародные. Но бюрократии необходима какая-то надличная опора, поэтому она хватается за патриотизм. Это в полной мере относится и к нашей военной касте, тоже, разумеется, исповедующей государственный, державный, имперский патриотизм. "Патриотическая" накачка мускулов - любимая игра наших генералов.

"Патриотическая" идеология апеллирует к архаическим ценностям, к племенному сознанию, а ему, среди прочего, присущ и культ вождя. Поэтому не приходится удивляться тому неумеренному лизоблюдству, тому неискоренимому холопскому энтузиазму, которое принимает у нас форму всепоглощающей любви к Главе Государства. Если вы поддерживаете нарушение прав человека, зачистку СМИ, концентрацию власти в одних руках, одним словом, если вы за авторитарный режим, - вам необходимо благопристойное прикрытие. Это и есть патриотизм, и если его дополнить централизованной ситемой насилия, то за державу можно быть спокойным.

Державно-националистическую идеологию, опять-таки прикрытую патриотизмом, исповедует и руководство Русской Православной Церкви. Церковь - это верующий народ, однако он лишен всяких прав в РПЦ. От его имени линию православия формирует Московская патриархия. Церковная бюрократия ничем не лучше, а даже и хуже бюрократии светской, потому что она профанирует христианство, превращая православие в некую национально-государственную идею. Фундаменталисты, которых немало в Церкви и которые оказывают сильное давление на иерархию, доводят дело до полного абсурда. Они охвачены националистической паранойей. Их православие - это племенная идеология, согласно которой православный - значит русский, русский - значит православный. У них даже Христос - русский.

Иерархия РПЦ стоит на более умеренных, хотя и консервативно-традиционалистских позициях. Тем не менее державно-националистический комплекс свойствен ей в полной мере. Сюда входит самопревозношение, мессианство, антизападничество, антикатоличество, антилиберализм, сакрализация власти (Державы), патернализм, коллективизм (называемый для приличия соборностью), тенденция к изоляционизму, ориентация на давно изжитые, архаические модели церковной жизни. Николай Бердяев писал в свое время об "опасности национализма, который есть измена русскому универсализму и русскому призванию в мире". К сожалению, эта опасность не исчезла, а, напротив, усилилась: клерикальный национализм стал доминирующим фактором в

Русской Православной Церкви. Никто из священноначалия РПЦ не выразил сочувствия родным убитой таджикской девочки. Никто из них ни разу не осудил наших доморожденных неонацистов. Какой уж тут универсализм, какая всемирная отзывчивость?

Особая категория суперпатриотов - это "патриоты" из спецслужб. Их "патриотизм" - это прикрытие их корпоративных интересов и криминально-конспирологических методов, схожих с методами агента 007, как известно, имевшего от начальства лицензию на убийство. Шовинистическая идеология широко распространена в этой среде, и она заранее оправдывает "национальными интересами" любые незаконные акции "Органов".

Разжигание националистических страстей вроде бы противоречит российской Конституции и правовым нормам, закрепленным в наших законах, но одно дело формальное законодательство и официально провозглашенное стремление бороться с проявлениями национальной и религиозной розни и другое дело - реальная позиция властей, не только не желающих бороться с ксенофобией и национализмом, но и попустительствующих им, поощряющих их и даже прямо их провоцирующих. Наиболее яркий пример - постоянные призывы губернатора Краснодарского края Ткачева к дискриминации и депортации представителей национальных меньшинств, прежде всего турок-месхетинцев, грузин и армян. И это не только призывы, но практическая политика, ведущая к погромам и этническим чисткам. Об этом прекрасно осведомлена кремлевская администрация. Ее ответ - открыто выражаемая симпатия к Ткачеву.

Погромы, акты вандализма, избиения и убийства на национальной почве никого уже не удивляют - они стали у нас бытом, повседневными нашими спутниками. Количество таких преступлений постоянно растет, но власть отказывается видеть в них серьезную проблему, объясняет их чем угодно - нелегальной миграцией, несоблюдением паспортного режима, правил регистрации и т.п. Между тем не только ксенофобия, но и нацизм перестает у нас быть маргинальным явлением. Колоссальный импульс этим тенденциям дала и чеченская война. Позиция власти в отношении вспышек национализма неадекватна и безответственна, и она чревата тяжелыми последствиями. Никакая экономическая стабильность здесь не поможет. Идя по этому пути, мы придем к саморазрушению. Национал-патриотизм в России крепчает. Широко распространенный комплекс национального унижения в связи с утратой статуса великой державы обусловил поворот к авторитаризму и к неоимперской политике. Традиции Российской и советской империй никуда не исчезли, они живы. Страна победившей бюрократии не может быть страной демократии. Государство у нас по-прежнему стоит над обществом и над человеком. Трансформация в сторону государства-нации (европейская и американская модель) в обозримом будущем нам не грозит. Мы гораздо ближе к этническому типу государства, чем к гражданскому. Об этом свидетельствует хотя бы резкий рост ксенофобии в нашем обществе, выражающейся, например, в убийствах на расовой почве. Сегодня мы, возможно, самая расистская страна в мире.

Конечно, можно сказать, и это будет справедливо, что повинна в таком положении именно власть. Но это лишь одна сторона дела. Другая же состоит в том, что ксенофобией заражена весьма значительная (если не большая) часть народа. Об этом говорят результаты опросов общественного мнения, об этом говорят результаты парламентских выборов. Само обилие в стране расистских и нацистских надписей (и если бы только надписей!) говорит о том, что агрессивный национализм, выступающий под маской патриотизма, - это массовый феномен. Народ показал, что свобода не входит для него в число приоритетов, вообще в число значимых ценностей. Безопасность, справедливость, порядок - да, а свобода - нет. И права человека - нет, и демократия - нет. Народ ответствен за нынешнюю власть. Это его выбор. И не зря он испытывает

ностальгию по советским временам. А чего еще можно было ожидать после столетий деспотизма, после десятилетий большевистского рабства, после сталинской "прополки"? Страна тяжело больна. Это данность, с которой приходится считаться. Мы только недавно вылезли из трясины и, кажется, вновь погружаемся в нее. Государство, которому нужны не граждане и даже не подданные, а верноподданные, в конечном счете обречено. И никакие "игры патриотов" его не спасут. Чем более крайние формы примет наш авторитаризм, тем короче будет его господство.

Национальный вопрос не может быть решен раз и навсегда - его надо решать каждый день. С ксенофобией нельзя покончить, но ее можно свести к более или менее приемлемому и неопасному уровню. Начинать надо со школы. Детей надо воспитывать в уважении к обычаям и культуре всех наций, а не только одной, хотя бы и самой большой. Их необходимо научить тому, что без диалога и взаимопонимания людей разных национальностей не может быть нормальной жизни, а может быть лишь война всех против всех. В наших интересах - позволить другим быть другими. Многообразие наций, культур, религий, уникальность каждой из них - не повод для столкновений и конфликтов, а возможность взаимного обогащения новым опытом и новыми знаниями.

Я хочу закончить свое выступление словами Александра Меня: "Гармоничное соцветие, ансамбль культурного и языкового многообразия не даны нам в готовом виде. Это заданность. И осуществляется она одновременно с ростом духовности, широты, открытости. В этом деле на интеллигенции наших народов лежит огромная ответственность, суровая, даже кровавая. Ведь всем нам выпало на долю жить в многонациональном государстве. Все многонациональные империи распадались, и порой очень болезненно. Необходимо решать эту проблему мирным путем. Иначе возьмут верх шовинистические центробежные силы и страна истечет кровью. Пострадает неисчислимое количество ни в чем не повинных людей, пострадает культура, мы все будем отброшены в каменный век.

Очень печально, что сейчас некоторые представители интеллигенции - плохо отдают себе в этом отчет. Не понимают, что речь идет не об академической дискуссии, а о жизни, о человеке. О будущем наших детей и внуков. Забывают порой, что спор идет с размахиванием факелами около пороховой бочки. Сначала нужно либо убрать бочку, либо погасить факел, а потом уже спорить. У диспутов, у поисков, у общения, у формальной и неформальной деятельности цель должна быть одна: сберечь страну, сберечь живых людей".